

Между конструктивистским дизайном и internet meme:

К выставке графических работ Эрика Булатова «EXIT-EXIT»

Великое motto Маршала Маклюэна *the medium is the message* должно быть подвергнуто инверсии в случае не менее великого русского художника Эрика Булатова - его месседжи говорят о нем как о медиаторе, позволяющем коммуницировать легендарной эпохе русского конструктивизма и современных медиаискусства и дизайна самой высокой пробы. При этом Булатов остается самим собой - художником, открывающим новые возможности для искусства настоящего.

Художник, особенно современный, еще и с соцартистским прошлым, вообще может позволить себе все, что угодно - занять 1000 килограммовыми буквами все пространство Винзавода или завирнуться в телеге с линейкой прикольных мемов. Жаль искусствовед не может позволить себе говорить о чужом искусстве как “nigger о ниггерах”. Но мы не искусствоведы, поэтому скажу: Булатов остается современным себе, хотя само понятие *contemporary* по ходу сдулось. Он остается тем медиа, которым был и в застойные позднесоветские, и в 90-е, и в 00-е, обладая таким свойственным настоящему Автору даром как ссылаться на самого себя, но при этом производить совершенно новый контент или новые смыслы в каждом времени.

Надо строго различать образы его художественной графики от образцов современного дизайна в чистом виде. Они принципиально сопротивляются такому утилитарному приложению, по крайней мере в своем аутентичном исполнении. Хотя неявный социальный заказ Булатов исполняет, сам же его и артикулируя, дело тут не столько в явном социально-политическом содержании, сколько в используемом художником формальном приеме и конструктивном решении. В итоге мы ощущаем не только эмоцию или понимаем идеологическое послание, а выходим в пространство большой социальной и художественной темы. Таких задач дизайн себе никогда не ставит.

Возьмем его отражение белых букв в красном или белого в черном, например: Перевернутая зеркальная тень предупреждения об ОПАСНОСТИ, кратно его усиливая, как будто отпечатываясь в коллективном бессознательном. Но в итоге, замкнутое в петле эстетического удовольствия работа, дает индивидуальное ощущение безопасности и покоя.

И переходит в “Не все так плохо” - не настолько, что прямо “хорошо”, а скорее опять же - “насрать”. Арендтовский “Враг вдруг Друг”, мем-ответ на “Друг вдруг Враг” Карла Шмитта - работа политическая, политизирующая эстетику самым наивным, наглядным и демонстративным способом.

Булатов не связывает свои работы школой или направлением в искусстве, не замыкает их на своей личности, но освобождает образы, которые начинают свободно курсировать в том числе в пространстве интернета, социальных сетей и цифровых платформ. В этом он тоже футурист, вернее дефутурист (как сказал бы Тони Фрай) - его объемные буквы встают на горизонте современности от “Слава КПСС” до сегодняшних “Exit-насрать-Exit”. Мы все еще их читаем, но уже не только читаем, но и обживаемся в задаваемом ими пространстве, следуя путем считывания содержащихся в них судьбоносных сообщений.

Это, как говорит сам художник, не только буквы, не картины, но и не только скульптуры. Хотя они не являются уже текстами “назначаемыми” условным Приговым картинами, не переходят они и в вещи русских производителей - шаг, который делает Булатов внутри конструктивизма и концептуализма, идет в перпендикулярном направлении - задавая новое архитектурное пространство. Его “Экзиты” не ироничные, не возвышенные, не конструктивные, но и не деконструктивные, а... мемные, соответствующие трендам в TikTok, задавая медиаэстетическое направление для развития “криптоискусства” в широком смысле этого понятия.

Разумеется, “насрать” Булатова сакрализованный и очень личный, не профанный образ. И хотя его рассказ в интервью Ольге Поповой о графе С.Н. Юрневе - реальном источнике этого образа, выглядит как фрагмент из Сорокина, это классика, а не постмодернизм. По факту времени обценно-матерное сейчас в трендах Stand-up и TikTok как игра с отцовско-материнскими и культурными запретами недавнего прошлого.

Разумеется, художник имеет свой замысел и право думать, что его интерпретация собственных работ самая аутентичная. Но суть в том, что достоинство работы, обеспечивающее ее существование не только во времени художник, но и в вечности, зависит от такого его внутреннего свойства как множественная интерпретируемость, даже если какие-то из этих интерпретаций могут оказаться ложными и не понравятся автору. Это не важно.

Что касается новых смыслов, то бросается в глаза прием плакатного пера кириллицей. Кириллицу культурно не отменить, а кто пытается - идет на Exit. Русские буквы и до последних событий особым уважением в мире не пользовались, отчего слабые российские художники занимались своеобразной визуальной транслитерацией, желая быть похожими на кого-то легко считываемого искусственным интеллектом рынка. Булатову этого не нужно - его новые работы противостоят как отмене, так и переводу в анонимные стикеры во ВКонтакте или Telegram. В этом он идет теми же коридорами трендов, что когда-то шли Татлин, Лисицкий и Родченко - на них многие хотели быть похожи, но они не были похожи ни на кого.

Проходя между этими работами Булатова чувствуешь себя как в нейронной сети, но только коллективного искусственного мозга, чипы которого, увеличенные в сотни раз, формируются прямо на глазах в устойчивые блоки культурной визуальной памяти, благодаря которым ты понимаешь, что русский авангард реализовался в его будущем и нашем настоящем. - Может быть не так как сам хотел, но не менее достойным образом, и точно без медиаэстетических потерь. Скорее с приобретениями не утопичных и не антиутопичных фраз, пусть украшающих теперь обои чьего-то смартфона. А почему, собственно, нет? - “Насрать”. Важно, что именно мы ощущаем, на них глядя, о чем думаем и кому говорим. Главное, что этим обеспечен путь к дальнейшему демократизму восприятия, обмену образами без потери фигуры автора и смысла искусства.

Игорь Чубаров